

temenos has for the time provided rather a large number of materials about that cult. In spite of the graffiti's fragmentary character it was possible to divide them into groups and to analyze some of them. Their paleography is basically in agreement with the sherds' relative dating. The majority of the graffiti belongs to the early Aphrodite's sanctuary. One of the graffiti is especially worth mentioning; it is (Ἀφροδίτης) Δημῖνης "(that) of People's Aphrodite" similar to Aphrodite Pandemos ("All People's Aphrodite") well known in the Hellenistic world. Given very close links between Olbia and Athens it is tentatively suggested that Ἀγγελος ἥρωος might have been the olbiopolite owing to whose wisdom not only some Boristhene inhabitants but also those of near-Olbia areas were relocated to Olbia for further strengthening the city-polis and its civil community. The sources enable us to assume that the pre-Gaetic town had two Aphrodite's sanctuaries, Ourania in the Western and Pandemos in the Southern temenos.

Keywords: Olbia Pontica, graffiti, Aphrodite's cult, Hero Angelos' cult.

Institute of Archaeology,
National Academy of Sciences of Ukraine,
Kiev, Ukraine
annmar@3g.ua

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 2, с. 40–55

А. А. Зедгенидзе

ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ ХОРЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ПРОБЛЕМА «ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА» СТРАБОНА

В статье рассматриваются некоторые взаимосвязанные проблемы изучения античной хоры Херсонеса: размежевание Гераклеийского полуострова и памятники Маячного полуострова («древний Херсонес» Страбона), где автор вел раскопки в 1985–1990 гг. Автор приходит к выводу, что гипотеза о двух этапах формирования хоры Херсонеса на Гераклеийском полуострове вполне обоснована.

Ключевые слова: историография Херсонеса Таврического, сельскохозяйственная территория античного полиса; пространственная организация полиса, город и хора.

В седьмой книге «Географии» Страбона (VII. 4. 2) сказано: «Если плыть дальше вдоль побережья, следует выдающийся в море на юг большой мыс, который составляет часть целого Херсонеса. На этом месте расположен город гераклейцев (колония гераклейцев на Понте), который также называется Херсонесом и отстоит, если плыть вдоль берегов, на 4400 стадий от Тираса. В городе есть святилище Девы (какого-то божества). В 100 стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением, с храмом божества и его статуей. Между городом и мысом 3 гавани. Затем следуют Древний Херсонес, лежащий в развалинах, и потом гавань с узким входом, где тавры (скиф-

Зедгенидзе Ангелина Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и политологии факультета философии, культуры и искусства Московского гуманитарного университета.

ское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Симболон Лимен и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт перешеек в 40 стадий. Это перешеек, который замыкает Малый Херсонес, составляющий, как я сказал, часть Большого Херсонеса, с одноименным полуострову городом Херсонесом» (пер. Г.А. Стратановского).

Обозначение *χερρόνησος* в этом тексте относится к трем географическим объектам. «Целый Херсонес» или «Большой Херсонес» (*ἡ μεγάλη χερρόνησος*) – это весь Крым; его часть составляет «большой мыс» (*ἄκρα μεγάλη*) или «Малый Херсонес» (*ἡ μικρά χερρόνησος*) – Гераклейский полуостров (*μέρος... τῆς ὅλης χερρονήσου*). На нем расположен Херсонес – полис гераклейцев, и «древний Херсонес, лежащий в развалинах» (*ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσκαμμένη*). Последний пункт также именуется в литературе «Страбонов Херсонес».

Факт существования «древнего Херсонеса» поддается археологической проверке. Однако у Страбона нет сведений о том, чем некогда был «древний Херсонес», нет указаний на время его возникновения и разрушения, а также на связь с Херсонесом, городом гераклейцев. В связи с этим в литературе возникли вопросы о локализации «древнего Херсонеса», его хронологии и назначении; о соотношении двух пунктов по времени: который из них основан раньше – «древний Херсонес» или «город гераклейцев», или же они появились в одно время. Эти вопросы составили проблему «древнего Херсонеса» Страбона. Эта проблема не может решаться в отрыве от изучения хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове в целом и требует рассмотрения таких вопросов, как античная система размежевания Гераклейского полуострова (и его юго-западной оконечности – Маячного полуострова, частью которого являлся Страбонов Херсонес), хронология размежевания и организация землепользования. Необходимо оценить степень достаточности фактологической базы и убедительности доводов в решении этих вопросов, до настоящего времени остающихся дискуссионными. Поэтому в предлагаемой статье мы вначале охарактеризуем вопросы освоения Гераклейского и Маячного полуострова, что позволит нам перейти к рассмотрению проблемы «древнего Херсонеса» Страбона.

* * *

Гераклейский полуостров представляет собой треугольное плато площадью около 12 000 га, разрезанное с севера и северо-запада великолепными бухтами, с юго-востока столь же четко ограниченное крутыми склонами Сапун-горы, ниже которых идут Караньские высоты. Юго-западное побережье полуострова между Херсонесским маяком и мысом Фиолент представляет собой обрывы высотой до 30 м. Плато полуострова пересекают подходящие к бухтам балки; некоторые из них имеют крутые склоны, нарушая равнинность полуострова. Ложе и склоны многих балок содержат источники пресной воды. За пределами полуострова географический ландшафт изменяется: лесостепь сменяется горной областью. До застройки полуострова, т.е. вплоть до 70-х годов XX в., он представлял собой впечатляющую картину деятельности древних. На территории около ста квадратных километров пролегали параллельными линиями каменные полосы, пересекавшиеся под прямыми углами и делившие полуостров на почти равные земельные участки; на некоторых из них сохранялись остатки древних строений. Разобраться в этой системе можно было путем последовательного картографирования ее элементов. Назовем основные планы и схемы размежевания Гераклейского полуострова: «План развалин древнего Херсона. Сочинен 1786»¹, «Die Herakleotische Halbinsel.

¹ Е. 1828; Зедгенидзе 2014.

Nach Clarke und Dubois»², «Схема расположения клеров на Гераклейском полуострове»³, «Общий план размежевания Гераклейского полуострова (нумерация наделов Е.Н. Жеребцова и И.Т. Кругликовой)»⁴, «Гераклейский полуостров. Межевая система второй половины IV в. до н.э. Нумерация участков»⁵. В основу размежевания Гераклейского полуострова положен геометрический принцип деления земли на прямоугольные площади (см. об этом далее); сеть межевания базировалась на осях дорог – продольных и поперечных. Крайние дороги ограничивали площадь межевания полуострова, которая составляла около 10 000 га. Территория полуострова, разбитая на площади, включала земельные участки размерами 17,6 и 24,4 га, в свою очередь разделенные на более мелкие, с использованием единого модуля в 4,4 га. Насчитывается 430 земельных участков, выявлено 260 построек, бывших преимущественно усадьбами⁶. Территория, не поделенная на наделы, являлась общественными землями, была минимальной и составляла предположительно 120 га⁷. Наделы внутри площадей разделялись каменными заборами и крепидами террас по ортогональным схемам, в которых межевые дороги пересекались под углом 91–96°⁸. Работы по созданию сельскохозяйственной системы на Гераклейском полуострове сводились к следующему: возведение дорог, террасирование крутых склонов и улучшение рельефа почвы, создание искусственного почвенного слоя, плантажная обработка виноградников, устройство сооружений для удерживания осадков, создание ветроломных защитных полос, строительство усадеб. Территория полуострова, довольно скудно наделенная природой, в результате этих работ оказалась обеспеченной необходимой влажностью и почвенным слоем, защищенным от эрозии⁹. Созданная инфраструктура была предназначена в основном для культивации винограда и производства вина на экспорт.

Северо-западной частью Гераклейского полуострова является Маячный мыс. Его западная оконечность (и крайняя юго-западная точка Крыма) – мыс Херсонес – Парфений по сообщению Страбона (VII. 4. 2). Значительно позднее он получил название Фанари (новогреч. *φανάρι* ‘фонарь, маяк’), ставшее названием самого мыса и бухты по возведенному здесь маяку. Руины средневековой маячной башни описаны академиком П.С. Палласом, предполагавшим возведение ее «новыми херсонитами или генуэзцами»¹⁰. Маяк на мысе Херсонес, построенный в 1816–1818 годах, работает и в настоящее время. Маячный полуостров, отделенный от остальной части Гераклейского полуострова бухтой и окруженный с юга и запада открытым морем, соединялся с сушей перешейком шириной около 760 м. Этот перешеек возвышается над окружающей местностью и приподнят над уровнем моря до 36 м. Расположение перешейка использовано в древности для возведения укрепления, которое было образовано двумя линиями оборонительных стен. Одна, фронтальная, обращена башнями в сторону Гераклейского полуострова, вторая, тыловая, в сторону Маячного мыса. Расстояние между стенами составляло

² Neumann 1855, план между с. 386–387.

³ Кругликова 1981, 11.

⁴ Сапрыкин 1994. Рис. 3.

⁵ Николаенко 1999, 39.

⁶ Николаенко 1999, 33.

⁷ Zhrebztzoff 1994, 121.

⁸ Жеребцов 1981, 26. Прим. 1.

⁹ Зедгенидзе 2011, 299.

¹⁰ Паллас 1999, 46.

200–210 м, площадь в пределах стен равнялась 17,5 га. Укрепление на перешейке Маячного полуострова до настоящего времени является прекрасной иллюстрацией выбора стратегически важного места древними греками. Крепостные стены его, частично раскопанные, в настоящее время представляют собой валы, в некоторых местах едва различимые. Однако с одного из них, восточного, в ясный день просматривается весь Гераклеийский полуостров до его границ – Караньских высот, с другого, западного, – Маячный полуостров до маяка на его северо-западной оконечности. Можно представить, насколько хороший обзор обеспечивали башни крепостных стен, теперь разрушенные. Расположение полуострова позволяет обозревать все подходы со стороны моря с юга на северо-запад в секторе 180–330°. За укреплением простирается полуостров площадью около 430 га, размежеванный в древности, как и весь Гераклеийский полуостров, на сельскохозяйственные наделы. Херсонес – «город гераклейцев» – отстоял от укрепления на 8,5 км по прямой к северо-востоку.

Что касается античных памятников Маячного полуострова, то они интерпретировались как древнейшая сельскохозяйственная территория Херсонеса¹¹; первое военно-хозяйственное поселение¹²; эпоikia¹³. Последняя интерпретация, т.е. предположение о принадлежности наделов Маячного полуострова эпоикам, а более крупных наделов Гераклеийского полуострова – первопоселенцам, не согласуется с данными исследований округа Херсонеса. Размежевание Маячного полуострова можно отнести ко второй четверти IV в. до н.э. Хронологически его наделы предшествуют освоению Гераклеийского полуострова (см. ниже), из его раскопок происходит более ранний материал, чем из остальных частей Гераклеийского полуострова. Археологические комплексы из раскопок усадеб Гераклеийского полуострова не позволяют датировать возникновение их ранее последней четверти IV в. до н.э. Несмотря на то что отдельные более древние находки там имеются, статистически достаточные выборки раннего материала отсутствуют¹⁴. Положение Л.А. Пальцевой вызывает возражение С.Ю. Сапрыкина, который указывает, что средние размеры (36 плетров) отдельных участков на Маячном и Гераклеийском полуострове совпадают. Это не согласуется с предположением Пальцевой об ущемленности прав эпоиков на Маячном мысу по сравнению с владельцами земли на Гераклеийском полуострове¹⁵. Таким образом, дальнейшего рассмотрения требуют первые две гипотезы: о древнейшей хоре Херсонеса на Маячном полуострове и о военно-хозяйственном поселении.

Это рассмотрение следует начать с вопроса о последовательности и хронологии размежевания прилегающей к Херсонесу сельскохозяйственной территории в целом. Фредерику Дюбуа де Монпере принадлежит проницательное предположение о единовременности размежевания основной части хоры: «Когда произошел этот раздел? Был ли он делом рук первых колонистов или результатом законодательных мер, направленных на то, чтобы предотвратить тяжбы и ссоры, связанные с неточностью границ и свободных проходов? Я полагаю, что эта мера восходит к самым первым временам существования колонии. Если бы дело обстояло иначе, и эта мера была бы осуществлена через несколько столетий после учреждения колонии, то

¹¹ Стржелецкий 1961, 41; Кругликова 1975, 29; Зедгенидзе 1983, 20.

¹² Штерн 1896, 99.

¹³ Пальцева 1980, 7.

¹⁴ Зедгенидзе 1979, 32; 1983, 20.

¹⁵ Сапрыкин 1994, 139.

наблюдалась бы иррегулярность в размежевании, в расположении сельских домов и стен ограды. Напротив, все сообразуется с этой первой разметкой территории; все примыкает к одной из дорог или обустроивается в соответствии с ее направлением. Видно, что разделение дорог и участков было нормальной первоначальной работой. И, наконец, все эти тысячи больших и малых дорог вливаются в большую херсонесскую дорогу, а это лишний раз доказывает, что данный раздел относится к начальным временам колонизации»¹⁶. В этом рассуждении Дюбуа де Монпере речь идет скорее всего не о всей территории хоры, включая Маячный полуостров, а об основной ее части – Гераклеяском полуострове.

Позднее возникла гипотеза о двух фазах освоения хоры: о первоначальном размежевании Маячного полуострова и последующем размежевании остальной части Гераклеяского полуострова. Прежде всего о такой последовательности может свидетельствовать наименование *ἡ παλαιά Χερρόνησος* (букв. «древний полуостров») у Страбона, указывающее, возможно, на древний (т.е. первоначальный по отношению к остальной части хоры) характер освоения Маячного полуострова. С.Ф. Стржелецкий, относя размежевание Маячного полуострова и возведение укрепления на его перешейке к началу IV в. до н.э., устанавливал единовременность освоения этой части хоры исходя из одновременной прокладки основных дорог на полуострове, связи их с воротами в тыловой оборонительной стене укрепления, а также из характера внутренней размежевки участков. Размежевание всего Гераклеяского полуострова Стржелецкий относил к рубежу IV–III вв. до н.э.¹⁷ На примере исследованных им клеров он пришел к заключению о наличии общего организационного плана и о применении его к каждому клеру. Это проявлялось в размежевке клеров, в расположении основных культур в зависимости от стран света: виноградники – в южной части, сады и поля под зерновые – в северной¹⁸.

А.Н. Щеглов, закрепляя за Маячным полуостровом акт первоначальной планировки, утверждал, что планировочная структура Маячного полуострова отражает первоначальную межевую систему, созданную Херсонесским полисом во время первого раздела земли, осуществленного на Маячном полуострове в начале второй четверти IV в. до н.э. Он считал, что эта «межевая система вместе с отделяющим ее укреплением на перешейке представляет замкнутую археологическую структуру»¹⁹. С.Ю. Сапрыкин относит разделение земли на Маячном мысу ко второй четверти – середине IV в. до н.э., размежевание всего Гераклеяского полуострова – к третьей четверти IV в. до н.э. Процесс освоения земель на Гераклеяском полуострове Сапрыкиным подразделяется на следующие этапы: начало IV в. до н.э. – появление в верховье Карантинной бухты наделов с усадьбами, а также первых наделов граждан Херсонеса на перешейке Маячного полуострова; вторая четверть IV в. до н.э. – расширение размежеванной территории на Маячном полуострове вследствие господства тавров на всем пространстве Гераклеяского полуострова; середина IV в. до н.э. – активное освоение земли на всем Маячном полуострове. В это время, согласно С.Ю. Сапрыкину, перешеек из размежеванной на наделы территории превращается в укрепление, защищенное параллельными оборонительными стенами²⁰.

¹⁶ Дюбуа де Монпере 2009, 215, 216.

¹⁷ Стржелецкий 1961, 41, 52.

¹⁸ Стржелецкий 1961, 64.

¹⁹ Щеглов 1993, 27–32; Виноградов, Щеглов 1990, 317, 332.

²⁰ Сапрыкин 1994, 136, 137.

А.В. Буйских не считает аксиомой позднее освоение всего Гераклейского полуострова на фоне более ранней размежевки Маячного полуострова. Она утверждает, что надежные основания для механического разделения размежевки Маячного и Гераклейского полуострова отсутствуют и указывает на хронологические рубежи освоения всего Гераклейского полуострова, включая Маячный мыс: середина – третья четверть IV в. до н.э.²¹ Как мы покажем далее, публикуя комплекс, открытый нами в междустенье на перешейке Маячного полуострова, а также свод материалов из раскопок усадеб на полуострове, со столь поздней датировкой возведения укрепления и размежевания Маячного полуострова нельзя согласиться. Указанный комплекс на перешейке датируется в пределах начала – конца IV в. до н.э. К началу IV в. до н.э. относятся ранние материалы из раскопок усадеб полуострова. В раскопанных, частично открытых и зафиксированных разведками усадьбах (их количество составляет 9, 4 и 8 соответственно) преобладают монеты 350–330 гг. до н.э.; одно из клейм датируется первой половиной IV в. до н.э.; краснофигурная керамика – рубежом V–IV в. до н.э., а также второй и третьей четвертью – серединой IV в. до н.э.; чернолаковая керамика датируется первой половиной – серединой IV в. до н.э. (участки № 60, 68, 71, 72)²². Ранние материалы встречены на усадьбах разных районов Маячного полуострова: у маяка, в верховье Соленой бухты, у западной оборонительной стены укрепления.

Обратимся теперь к вопросу о размежевании Маячного полуострова. Важное значение здесь имеют планы, снятые в 1910–1911 гг. Н.М. Печёнкиным²³. Учитывая разрушения, произошедшие на Маячном полуострове во время Первой мировой и Великой Отечественной войны, а также последующие застройки, выполненные Печёнкиным планы Маячного полуострова остаются важным источником для изучения структуры хоры Херсонеса. В 1911 г. исследователь издал план размежевания Маячного полуострова. В качестве топоосновы был использован «План Севастополя и его окрестностей», выполненный в 1886 г. специалистами Генерального штаба Военного министерства. Из всех новейших для того времени крупномасштабных военно-топографических карт европейской части Российской империи только на ней нашла отражение археологическая составляющая. Были зафиксированы остатки древнего землеустройства и межевания, осуществлена инструментальная съемка всех сохранившихся на поверхности древних дорог, стен, валов и других руин в центральной части Гераклейского полуострова и на Маячном мысу. Таким образом, карта явилась важнейшим источником для археологии²⁴. Предполагалась также дальнейшая археологическая корректировка карты²⁵. На плане Н.М. Печёнкина показано разделение Маячного полуострова «улицами-дорогами» на площади, отражена планировка внутри последних, намечено внутреннее межевание участков²⁶. Печёнкиным была проверена фиксация основных продольных и поперечных дорог на карте 1886 г., причем количество их было увеличено. В результате исследователем зафиксировано 25 образованных

²¹ Буйских 2008, 74.

²² Николаенко 2001, 34–46; Сапрыкин 1994, 134; Вдовиченко 2008, 79.

²³ Полковник Н.М. Печёнкин занимался археологическими исследованиями, в 1908 г. он был избран членом Императорского Русского археологического общества, которое поддерживало начатое им изучение «древнего Херсонеса» Страбона.

²⁴ Тункина 2002, 495.

²⁵ Стржелецкий 1961, 15. Прим. 5.

²⁶ Печёнкин 1911. Табл. III.

дорогами площадей, которые были разделены на участки – наделы²⁷. Каждый надел имел усадьбу. Площадь, заключенная между четырьмя дорогами, составляла 18,5 га. Исходя из обмеров наделов Печёнкин пришел к выводу, что на такой площади размещалось четыре надела, каждый из которых составлял около 4,5 га²⁸. Таким образом, на Маячном полуострове исследователь насчитывал сто наделов. Этот вывод позже был подтвержден изданным К.Э. Гриневичем планом территории, прилегавшей к маяку на западной оконечности полуострова, на которой основная площадь равнялась 18,9 га²⁹. На плане Печёнкина показано, что дороги, разделяющие полуостров на площади, соединяют их с участками этих площадей, а также с усадьбами (зафиксировано 100, на плане обозначено 70 руинированных зданий) и с укреплением на перешейке. Таким образом, план свидетельствует о единовременном характере размежевания Маячного полуострова. Н.М. Печёнкин стремился избегать неточности при фиксации древних объектов, что следует из его слов: «На карту мною нанесены только те здания и улицы-дороги, которые совершенно определенно установлены мною по внешним признакам. Места, возбуждающие сомнения (таких много), исключены совсем. Однако и при этой осторожности мне удалось зарегистрировать около 100 зданий»³⁰. М.Н. Ростовцев, побывавший на раскопках Печёнкина, охарактеризовал исследуемую местность как сельскохозяйственную территорию Херсонеса, планомерно разделенную на участки: «перед нами настоящая, не искаженная поздними изменениями древнегреческая клерухия Херсонеса...»³¹. Ростовцев обратил внимание на то, что впервые удалось открыть древнегреческие сельскохозяйственные усадьбы, не известные до этого времени историкам³². Выполнение обмеров и планов Маячного полуострова, раскопки и разведки Н.М. Печёнкина позволили впервые в античной археологии выделить стандартный участок хоры греческого полиса и определить его площадь в 4,5 га.

Гипотеза о двух фазах в освоении Гераклеийского полуострова была оспорена в статьях Е.Н. Жеребцова. Ссылаясь на свои разведки, исследователь утверждал, что на Маячном полуострове изначально располагалось 20–22 клера величиной около 25 га, не отличающихся от клеров остальной хоры Херсонеса. Таким образом, согласно Жеребцову, размежевание Маячного полуострова существенно не отличалось от размежевания остальной части Гераклеийского полуострова. Положение о ста участках на Маячном полуострове было им отвергнуто. При этом не фиксировался документально и не приводился фактический материал, который был получен в ходе разведок. В связи с этим не ясно, имелись ли убедительные основания для сделанных автором выводов³³. Жеребцов писал о том, что обследо-

²⁷ Авторами планов и схем при характеристике межевания Гераклеийского полуострова использовались следующие термины: площадь, клер, участок, надел, парцелла. В будущем необходима унификация терминов, используемых при описании межевания. При характеристике элементов межевой системы на Маячном полуострове мы сохраняем названия авторов, при собственной характеристике используем термины: «земельная площадь» – для обозначения ограниченной дорогами территории; «земельный участок» – часть огражденной земельной площади (ср.: Щеглов 1993, 34), «поля» – подразделение территории в составе земельного участка.

²⁸ Стржелецкий 1961, 29.

²⁹ Гриневич 1931, табл. 2.

³⁰ Печёнкин 1911, 125.

³¹ Слова М.Н. Ростовцева записаны в дневнике Н.М. Печёнкина (ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 30).

³² Археологическая хроника 1912, 4–5.

³³ Жеребцов 1976.

дованные им постройки, именуемые Н.М. Печёнкиным усадьбами, не единовременны и имеют разное назначение. Печёнкин был обвинен в «специальном отборе археологического материала» – древнейшей чернолаковой керамики из раскопок усадеб. Однако и эти утверждения не были подкреплены Е.Н. Жеребцовым ни планами строений, ни описанием керамических комплексов, ни чертежами и фотофиксацией. Не была принята во внимание систематизация раннего керамического материала из раскопок Маячного полуострова³⁴. Закономерен вопрос Ю.Г. Виноградова и А.Н. Щеглова о том, каким образом в связи с изложенным взглядом Е.Н. Жеребцова можно объяснить необходимость организации на Маячном полуострове специально защищенного района хоры, находящегося на значительном удалении от города. В чем смысл строительства мощного укрепления в глубине освоенного Гераклейского полуострова с его укрепленными усадьбами, которые сами по себе были своеобразными крепостями? Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов отмечают также, что дорога, связывающая Маячный полуостров с Херсонесом, древнее, чем включившая ее в себя система наделов на Гераклейском полуострове. Авторы утверждают, что материалы конца первой – начала второй четверти IV в. до н.э. в керамических комплексах из раскопок Н.М. Печёнкина и Р.Х. Лепера представительны и на этом основании относят возведение укрепления и раздел земли на Маячном полуострове к началу второй четверти этого столетия³⁵. Что касается особенностей землепользования на Гераклейском и Маячном полуострове, то Е.Н. Жеребцов видит назначение «полей» (т.е. участков надела) в культивации двух или трех видов винограда, что, по его мнению, способствовало разнообразию урожая и ограничивало число рабов, необходимых для работ на наделах³⁶.

Следующий этап изучения Маячного полуострова связан с исследованиями А.Н. Щеглова. Им была разработана карта-схема «Система древних дорог и земельных площадей на Маячном полуострове»³⁷. А.Н. Щеглов отказался от предложенной И.Т. Кругликовой и принятой Е.Н. Жеребцовым, Г.М. Николаенко и другими исследователями сплошной индексации земельных участков, заключенных между дорогами на всем Гераклейском полуострове, включая Маячный. Согласно Щеглову, скорее соответствует действительности самостоятельная нумерация земельных площадей Маячного полуострова, не связанная с индексацией межевой системы на Гераклейском полуострове. На схеме А.Н. Щеглова Маячный полуостров разделен на 30 земельных площадей продольными и поперечными дорогами, ограды которых были главными (каркасными) элементами межевания. Направление планировочных осей подчинялось морфологии полуострова. Участок площадью около 4,41 га признан стандартной единицей межевой системы. По мнению исследователя, есть все основания видеть в представленной им пространственно-планировочной структуре «ту первоначальную межевую систему, которая была создана по единому плану во время первого раздела земли на полуострове»³⁸. Для фиксации этой системы А.Н. Щеглов использовал данные аэрофотосъемки, наземных обмеров, архивных материалов. В результате был опубликован план «Первоначальная межевая система на Маячном полуострове»³⁹. Признавая правильность определения Н.М. Печёнкиным величины стандартного земельного участка

³⁴ Зедгенидзе 1979, 32.

³⁵ Виноградов, Щеглов 1990, 317.

³⁶ Zharebtzoff 1994, 138–141.

³⁷ Щеглов 1993, 308.

³⁸ Щеглов 1993, 27–32.

³⁹ Щеглов 1993, 317.

в 4,5 га, приводя результаты собственных обмеров и данные аэрофотосъемки, привлекая факты наличия усадеб на смежных участках, А.Н. Щеглов подтвердил восходящее к Н.М. Печёнкину число стандартных индивидуальных земельных участков на Маячном полуострове в количестве ста. Вскрытая археологическая ситуация позволила А.Н. Щеглову высказать гипотезу о том, что полисная община Херсонеса могла делиться не только на три филы, но и на сотни (гекатостии). Поэтому сто земельных участков и укрепление на перешейке могли принадлежать одной из херсонесских гекатостий⁴⁰.

С.Ю. Сапрыкин в монографии об античных усадьбах и хоре Херсонеса⁴¹ отвечает на вопрос о принципах разделения и распределения земли на Гераклеийском полуострове исходя из того, что на полуострове было около 400 участков размерами 630 × 420 м и 30 участков площадью 420 × 420 м. Если ранее система внутреннего размежевания наделов предположительно объяснялась сдачей в аренду частей надела⁴², то Сапрыкин выделяет внутри наделов самостоятельные участки отдельных владельцев⁴³. В предшествующей литературе эти участки рассматривались как составные части надела, принадлежавшего одному собственнику. Автор монографии обратил внимание на то, что количество участков – 400 – не соотносится с числом граждан в Херсонесе. Это, по его мнению, подтверждает предположение о том, что каждый из 400 наделов и усадьба на наделе не принадлежали одному хозяину, но были во владении гекатостий. Далее, согласно С.Ю. Сапрыкину земельные наделы на Маячном не отличались существенно от наделов на Гераклеийском полуострове: на последнем участок делился на шесть частей, а на первом 25 земельных участков делились на четыре самостоятельных клера, обслуживавшихся одной усадьбой. Земельные участки на полуострове получили по 25 человек от каждой из четырех гекатостий, т.е. земля была поделена между сотней граждан полиса, тогда как усадьбы принадлежали гекатостиям⁴⁴. Последнее положение входит в противоречие с выводами Н.М. Печёнкина, С.Ф. Стржелецкого, А.Н. Щеглова и других исследователей о ста наделах и ста усадьбах на Маячном полуострове и, как пишет А.Н. Щеглов, не соответствует реальной археологической ситуации⁴⁵. В качестве подтверждения Щеглов приводит план земельных участков на западном побережье Маячного полуострова, выполненный по натурным обмерам Н.М. Печёнкина и архитектора С.С. Некрасова. План был обнаружен Щегловым в Архиве ИИМК (Р-1, № 78, л. 9) и сопоставлен им с аэросъемкой 1961 г., а затем опубликован после повторных обмеров. На плане показаны три равных по площади (4 га) смежных участка, каждый из которых имел усадьбу⁴⁶. О наличии нескольких усадеб на участках Маячного полуострова свидетельствуют также раскопки последних лет: на участке 53а раскопано «Здание» и обнаружена усадьба, на участке 68 зафиксировано две усадьбы, на участке 72 – три усадьбы⁴⁷.

⁴⁰ Щеглов 1993, 30–33.

⁴¹ Saprykin 1994.

⁴² Жеребцов 1976, 16.

⁴³ Saprykin 1994, 83–86. Ср. сходную мысль у Дюбуа де Монпере: «Поначалу каждый прямоугольник был, возможно, собственностью одной семьи; но вскоре большинство было разделено между многими собственниками, которые отделялись стенами» (2009, 215).

⁴⁴ Saprykin 1994, 83–84, 86.

⁴⁵ Щеглов 1993, 33.

⁴⁶ Щеглов 1993, 17, 34.

⁴⁷ Николаенко 2001, 35, 43, 45.

Предварительные выводы об освоении Маячного полуострова можно сформулировать следующим образом: оно предшествует освоению Гераклейского полуострова в целом; отнести его можно к началу второй четверти IV в. до н.э.; существующая фактологическая база позволяет видеть в пространственно-планировочной структуре Маячного полуострова первоначальную межевую систему, созданную по единому плану и включающую в себя укрепление на перешейке. Следует обратить внимание, что, в отличие от Маячного, на Гераклейском полуострове возводились укрепленные усадьбы. Отсутствие башен на усадьбах Маячного полуострова объясняется наличием укрепления на перешейке. При всех разногласиях, касающихся структуры земельной территории и организации общины херсонесского полиса, и А.Н. Щеглов, и С.Ю. Сапрыкин называют одно и то же количество участков на Маячном полуострове – 100. Этими исследователями найдено историческое обоснование такому количеству участков: деление общины херсонесского полиса не только на филы, но и на сотни – гекатостии.

* * *

Херсонесский градостроительный план свидетельствует о максимальном учете опыта строительства городов по системе Гипподама⁴⁸. По этой системе осуществлялось прокладывание ортогональной сети продольных и поперечных улиц, образующих ячейки кварталов. Гипподам Милетский, по свидетельству Аристотеля, «изобрел разделение полисов и спланировал Пирей»⁴⁹ (Pol. II. 1267b. 25; пер. С.А. Жебелёва). Мы считаем, что, поскольку полис представлял собой не только город, но включал в себя и хору, у Аристотеля идет речь о разделении полиса в целом, т.е. о планировке не только города, но и его хоры. Основным принципом размежевания хоры Херсонеса, подобно планировке города, является строгая регулярность. Именно это позволяет считать, что планировка как города, так и хоры осуществлялась по системе Гипподама. Эта система была удобна для создания нового хорошо организованного города-государства. Не полагаясь на стихийное освоение территории, по этой системе можно было разделить ее, наладить рациональную сеть дорог, выделить равновеликие участки, предусмотреть наиболее удобную связь с апойкией⁵⁰. Система была такова, что пользование ее частями могло впоследствии происходить по-разному. Разделение земли на кварталы (площади) позволяло использовать их в отдельные исторические периоды по-своему. Важно при этом то, что, несмотря на все возможное разнообразие в организации земли внутри «кварталов», сохранялись главные линейные элементы системы, которые остаются навсегда и несут информацию о первоначальном устройстве территории⁵¹.

Любопытным свидетельством единого принципа городской планировки и планировки хоры является то, что первоисследователь Херсонеса К.И. Габлиц назвал карту, созданную в 1786 г. и фиксирующую следы античного размежевания на Гераклейском полуострове, следующим образом: «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краскою означенных»⁵². Как видно из этого названия, Габлиц считал, что Херсонес, т.е. город,

⁴⁸ Буйских 2008, 105.

⁴⁹ ...τὴν τῶν πόλεων διαίρεσιν εὖρε καὶ τὸν Πειραιᾶ κατέτεμεν.

⁵⁰ Ср. Полевой 1970, 158.

⁵¹ Ср. Щеглов 1993, 24–26.

⁵² См. Тункина 2002, 485. Рис. 126.

занимал всю территорию Гераклеийского полуострова; дороги между наделами были названы улицами, а пространства, ограниченные дорогами, – кварталами. В «Изъяснении плана развалин древнего Херсона» сказано: «Найденные по сие время от одного города развалины состоят на юго-западной стороне Таврического полуострова, между Севастопольскою гаванью и Георгиевским мысом, простираясь в длину и ширину на 10 верст, а окружность их составляет около 35 верст. На всем оном пространстве не осталось уже никаких зданий в целости, но следы от бывших прямых и правильно расположенных улиц еще во многих местах усматриваются. Улицы сии расположены параллельно на один ромб и градусы, от берега моря во внутренность земли, на 10 верст в длину. Между улицами кварталы все единообразно содержат в длину 300, а в ширину 200 сажень, и судя по великому их пространству, нельзя думать, чтобы они заняты были одним только строением, а уповательно, что между селениями находились и сады»⁵³. Несмотря на то что распространение города на весь Гераклеийский полуостров является, строго говоря, ошибкой, оно не так наивно, как кажется: во времена К.И. Габлица еще был виден урбанистический характер организации хоры, причем настолько, что ее следы воспринимались как следы города.

Строгая регулярность планировки хоры Херсонеса не нарушалась особенностями рельефа, о чем ярко сказано Дюбуа де Монпере, который осматривал Гераклеийский полуостров в 1833 г.: «Поверхность полуострова была разделена параллельными линиями, которые расчерчивали его по всей длине и ширине, пересекаясь под прямым углом. Овраг, ров, скала – ничто не изменяло их направления. Эти линии, отстоящие друг от друга на полверсты или версту, были дорогами, основными или проселочными. На каждую из них отводилось не более 15 футов ширины, с каждой стороны воздвигались стены, заключающие правильные четырехугольники. Эти прямоугольники, больших или меньших размеров, в зависимости от того, ближе или дальше проходили линии, были, таким образом, окружены с четырех сторон дорогами и доступны отовсюду»⁵⁴. Это описание ценно тем, что оно отражает состояние хоры в тот период, когда она представляла в наиболее сохранном виде и еще не была существенно нарушена городской застройкой.

* * *

Толкование сообщения Страбона о двух Херсонесах – «колонии гераклейцев» и «древнем Херсонесе» впервые давалась К.И. Габлицем⁵⁵. В «Географических известиях»⁵⁶ он писал об их локализации: «Новейшие историки и землеописатели весьма в том заблуждались, где он (Херсонес. – А.З.) находился... и отыскивали его там, где никогда не бывал». Страбон «объявляет его с великой точностью, что он состоял на гористом полуострове, который с одной стороны заключался Символьскою гаванью (Символон Лимин), а с другой гавань Ктенос... Под первым названием разумеется нынешняя Балаклавская; а под другим Ахтиарская или нынешняя Севастопольская гавань. Итак, нет сомнения, чтоб находящиеся... неподалеку от сей последней на великое пространство развалины не были остатки одного (т.е. Херсонеса. – А.З.)... Но примечания достойно, что Страбон упоминает

⁵³ Е. 1822, 158–161.

⁵⁴ Дюбуа де Монпере 2009, 215.

⁵⁵ Зедгенидзе 2014.

⁵⁶ Это сочинение было представлено императрице Екатерине II в 1786 г., но не было опубликовано сразу из-за начавшейся войны с Турцией. Оно было напечатано в 1803 г. (Зедгенидзе 2014).

о двух городах того имени, из коих один состоял ближе к Символьской гавани и в его время уже разорен был, а другой, тогда еще существовавший, находился на показанном месте»⁵⁷. П.С. Паллас на основании своих разведок на Маячном полуострове называл место, где предположительно находился «древний Херсонес», «самой замечательной местностью во всем Херсонесе в отношении древностей». И далее: «Весь этот полуостров, по моему личному мнению, кажется мне одним населенным городом и, по всей видимости, – это древний Херронес Страбона»⁵⁸. В начале XX в. благодаря работам А.Л. Бертье-Делагарда⁵⁹ с «древним Херсонесом» Страбона отождествляется укрепление на перешейке Маячного полуострова и решается один из аспектов проблемы «древнего Херсонеса» – его локализация.

В новейшее время проблема Страбонова Херсонеса затрагивалась в целом ряде работ⁶⁰; проводились полевые исследования на перешейке Маячного полуострова⁶¹. Особые сложности связаны с объяснением античных сооружений на перешейке. Согласно Дж. Хайнду, назначение укрепления на перешейке Маячного полуострова является одним из двух самых трудных вопросов в изучении античного Херсонеса⁶². Относительно этого укрепления в литературе существует ряд предположений, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) город⁶³; 2) укрепленный урбанистический поселок; поселение городского типа⁶⁴; 3) первое периферийное укрепление (τὸ τεῖχος), форпост Херсонеса⁶⁵; 4) военная крепость и поселение⁶⁶; 5) убежище для сельского населения Гераклеийского полуострова и Маячного мыса в случае нападения⁶⁷; 6) «састер»⁶⁸; 7) укрепление для охраны питомников на полуострове⁶⁹; 8) укрепление для охраны маяка⁷⁰.

Перечисленные интерпретации создают видимость изученности памятника, однако некоторые из них выдвигались до получения достаточной фактологической базы. Сам факт такого количества противоречивых предположений свидетельствует об отсутствии систематических исследований на перешейке.

Первой и близкой к ней второй гипотезе противоречит анализ пространственной организации укрепления на перешейке и материалы из его раскопок. Город, помимо других черт, – это прежде всего центр ремесленного производства, основным занятием жителей которого являются ремесло и торговля⁷¹. В случае рассматриваемого укрепления нет достаточных признаков, позволяющих противопоставить его в качестве города как центра промышленной деятельности, территории, занятой

⁵⁷ Габлиц 1803, 11.

⁵⁸ Паллас 1999, 45.

⁵⁹ Бертье-Делагард 1907, 190.

⁶⁰ Стржелецкий 1953; Щеглов 1993, 14; 1994, 8–14; Рогов 2005, 148–154; Зубарь, Буйских, 2006.

⁶¹ Щеглов 1994, 12; Сапрыкин 1994; Зубарь 2007, 42, 126.

⁶² Hind 2007.

⁶³ Габлиц 1803, 11; Бертье-Делагард 1907, 190; Стржелецкий 1961, 41; Щеглов 1976, 42; Качарава, Квирквелиа 1991, 90; Рогов 2005, 151.

⁶⁴ Зубарь, Буйских 2006, 24.

⁶⁵ Штерн 1896, 99; Щеглов 1986, 157; Виноградов, Щеглов 1990, 318; Saprykin 1994, 79.

⁶⁶ Демьянчук, Нессель 2011, 65.

⁶⁷ Гайдукевич 1949; Жеребцов 1985, 44; Hind 1998, 150.

⁶⁸ Hind 1998, 150.

⁶⁹ Николаенко 1997, 80.

⁷⁰ Николаенко 1996, 32; Nikolaenko 2001, 191.

⁷¹ Кошеленко 1979, 15.

сельским хозяйством. А.Н. Щеглов, первоначально разделявший эту гипотезу, пересмотрел ее и отказался от определения укрепленного пункта в качестве так называемого «городка»⁷².

Что касается гипотезы о том, что данное укрепление представляло собой «сас-тер» из херсонесской присяги, то от нее приходится отказаться в свете недавнего исследования И.А. Макарова⁷³. Это слово, являющееся ἄλαξ λεγόμενον, встретилось в присяге в форме вин. п. ед. ч. ΣΑΣΤΗΡΑ (IOSPE I². 401. 24–25). Макаров считает его фонетическим вариантом существительного σακτήρ ‘мешок’, засвидетельствованного у Гесихия, и связывает с глаголом σάττω ‘набивать; наполнять’⁷⁴. Действительно, колебание между велярным и дентальным согласным в σακτήρ и σαστήρ не является уникальным для древнегреческих диалектов⁷⁵. Для σαστήρ в тексте присяги реконструируется значение ‘мешок (для хранения ценностей)’ > ‘городская казна, городские доходы’. На фоне предшествующих гипотез решение И.А. Макарова выглядит более убедительным и экономным, так как строится на реально существующих древнегреческих формах, в результате чего слово этимологизируется исходя из данных собственно греческого языка. Может возникнуть вопрос: почему при обозначении казны в тексте присяги было использовано такое редкое слово (а, например, не κοινόν). Возможно, однако, что в данном случае мы имеем специфическое для херсонесского диалекта обозначение.

Предположение об охране питомников нельзя рассматривать даже в качестве очень осторожной гипотезы, так как оно не подкреплено фактическим материалом или аналогиями из практики сельскохозяйственной деятельности греков в других районах античного мира⁷⁶. Предположение об охране маяка также оказывается объяснением одного неизвестного через другое: маяк античного времени на Маячном полуострове не обнаружен.

Таким образом, единственной удовлетворительной интерпретацией укрепления на перешейке Маячного полуострова является военно-хозяйственное поселение. Упомянутые выше предположения о форпосте, крепости и убежище представляют собой детализирующие модификации этого истолкования.

Итак, формирование на Гераклейском полуострове сельскохозяйственной территории Херсонеса происходило в два этапа. Вначале была освоена западная оконечность – Маячный полуостров. Вторым этапом стало освоение Гераклейского полуострова в целом. Маячный, таким образом, является древнейшей хорой Херсонеса. Ее освоение закрепляло за полисом остальную часть Гераклейского полуострова, лежащую между Херсонесом и Маячным. Пространственная организация хоры осуществлялась по принципу строгой регулярности, а именно – по системе Гипподама, которая положена в основу планировки как города, так и прилегающей сельскохозяйственной территории. На перешейке Маячного полуострова было создано укрепление, которое защищало находящиеся там надель, и наряду с этим первоначально являлось своего рода заставой полиса. Благодаря этому укреплению не было необходимости возводить укрепленные усадьбы на Маячном полуострове (в отличие от остальной части Гераклейского полуострова). Пространственная организация укрепления на Маячном перешейке будет рассмотрена нами в отдельной работе, где будут также представлены результаты раскопок, проводившихся нами на перешейке.

⁷² Щеглов 1976, 44; 1994, 10.

⁷³ Макаров 2009, 56; ср. Makarov 2014, 17.

⁷⁴ Ср. кратήρ к κεράννυμι, ζωστήρ к ζώννυμι и т.п.

⁷⁵ Макаров 2009, 58; Makarov 2014, 23.

⁷⁶ Зубарь 2007, 220.

Литература

1. Археологическая хроника 1912: Археологическая хроника (из газет за 1-ю половину 1912 г.) // ИАК. Прибавление к выпуску 46, 1–206.
2. Бертье-Делазард А.Л. 1907: О Херсонесе // ИАК. 21, 1–207.
3. Буйских А.В. 2008: Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь.
4. Вдовиченко И.И. 2008: Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь.
5. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. 1990: Образование территориального херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 310–371.
6. Габлиц К.И. 1803: Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних и средних времен писателей, с тремя картами. СПб.
7. Гайдукевич В.Ф. 1949: Рец.: Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948 // ВДИ. 3, 140–144.
8. Гриневич К.Э. 1931: Исследование подводного города близ Херсонесского Маяка. М.
9. Демьянчук С.Г., Нессель В.А. 2011: Новые данные о фортификационных сооружениях на перешейке Маячного полуострова // Херсонесский сборник. Вып. 16, 65–76.
10. Дюбуа де Монпере Ф. 2009: Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6 / Пер. с франц., предисл. и прим. Т.М. Фадеевой. Симферополь.
11. Е. [Болховитинов Е.А.] 1822: О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. 9. 22, 145–163.
12. Е. [Болховитинов Е.А.] 1828: О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. Ч. IV. Кн. 1. М., 102–115.
13. Жеребцов Е.Н. 1976: Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV–I вв. до н.э. // КСИА. 145, 14–18.
14. Жеребцов Е.Н. 1981: Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского полуострова // КСИА. 168, 17–26.
15. Жеребцов Е.Н. 1985: Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА. 182, 38–45.
16. Зедгендзе А.А. 1979: О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 159, 26–34.
17. Зедгендзе А.А. 1983: Херсонес Таврический в классический период. Автореф. канд. дис. М.
18. Зедгендзе А.А. 2011: Картографирование как способ изучения античного культурного ландшафта: хора Херсонеса Таврического // Культура информационного общества и проблемы модернизации России / А.В. Костина (ред.). М., 290–299.
19. Зедгендзе А.А. 2014: О начале исследования Херсонеса Таврического // ВДИ. 2, 151–162.
20. Зубарь В.М. 2007: Хора Херсонеса Таврического. История раскопок и некоторые итоги. Киев.
21. Зубарь В.М., Буйских А.В. 2006: По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова // МАИЭТ. XII. 1, 7–32.
22. Качарава Д.Д., Квириквелия Г.Т. 1991: Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси.
23. Кошеленко Г.А. 1979: Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.
24. Кругликова И.Т. 1975: Сельское хозяйство Боспора. М.
25. Кругликова И.Т. 1981: Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. 168, 9–16.
26. Макаров И.А. 2009: Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина ΣΑΣΤΗΡ (IOSPE I². 401) // ВДИ. 2, 49–61.
27. Николаенко Г.М. 1996: О ближней хоре Херсонеса Таврического в IV в. до н.э. // ХС. VII, 25–35.
28. Николаенко Г.М. 1997: Исследования на Маячном полуострове // ХС. VIII, 75–83.
29. Николаенко Г.М. 1999: Хора Херсонеса Таврического (Земельный кадастр IV–III вв. до н.э.). Ч. I. Севастополь.
30. Николаенко Г.М. 2001: Хора Херсонеса Таврического (Земельный кадастр IV–III вв. до н.э.). Ч. II. Севастополь.
31. Паллас П.С. 1999: Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах // Научное наследство. Т. 27. М.
32. Пальцева Л.А. 1980: Проблемы политической истории Херсонеса Таврического в V–I вв. до н.э. Автореф. канд. дис. Л.

33. Печёнкин Н.М. 1911: Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК. 42, 108–126.
34. Полевой В.М. 1970: Искусство Греции. М.
35. Рогов Е.Я. 2005: Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху / К.К. Марченко (ред.). СПб., 137–210.
36. Сапрыкин С.Ю. 1994: О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 3, 126–143.
37. Стржецкий С.Ф. 1953: «Страбон Херсонес». Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический», дело № 1325.
38. Стржецкий С.Ф. 1961: Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму / А.С. Башкиров (ред.). Севастополь (Херсонесский сборник. Вып. VI).
39. Тункина И.В. 2002: Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
40. Штерн Э.Р. 1896: О местонахождении древнего Херсонеса // ЗООИД. 19, 99–104.
41. Щеглов А.Н. 1976: Полис и хора. Симферополь.
42. Щеглов А.Н. 1986: Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии / Э.Д. Фролов (ред.). Л., 152–176.
43. Щеглов А.Н. 1993: Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Сб. научных трудов. Симферополь, 10–38.
44. Щеглов А.Н. 1994: «Старый Херсонес» Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Сб. научных трудов. Симферополь, 8–42.
45. Hind J. 1998: Megarian Colonisation in the Western Half of the Black Sea (Sister-and Daughter-Cities of Heracleia) // The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology G.R. Tsatsiklidze (ed.). Stuttgart, 131–152.
46. Hind J. 2007: Rev.: Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs. National Preserve of Tauric Chersonesos and Institute of Classical Archaeology, University of Texas at Austin. Austin, 2003 / G.R. Mack, J.C. Carter (eds.) // Ancient West and East. 6, 415–416.
47. Makarov I.A. 2014: Towards an Interpretation of the Civic Oath of the Chersonesites (IOSPE I² 401) // ACSS. 20, 1–38.
48. Neumann K. 1855: Die Hellenen im Skythenlande: Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Bd. 1, XI. B.
49. Nikolaenko G.M. 2001: The Adjacent Chora of Tauric Chersonesos in the 4th Century BC / Colloquia Pontica. North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies, 6. Leiden–Boston–Köln, 177–204.
50. Saprykin S.Ju. 1994: Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). Amsterdam.
51. Zhrebizoff E.N. 1994: Rural allotments of Khersonesos in the 4th–3rd centuries B.C. on the Herakleian peninsula // Saprykin S.Ju. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian Peninsula 1974–1990). Amsterdam, Addenda, 121–147.

LAND DIVISION ON THE CHORA OF CHERSONESUS TAURICA AND THE PROBLEM OF STRABO'S ANCIENT CHERSONESUS

Angelina A. Zedgenidze

The paper examines some interconnected problems of the study of the ancient chora of Chersonesos, in particular land division of the Herakleian Peninsula and archaeological sites of the Mayachny Peninsula (Strabo's ancient Chersonesos), where the author carried out excavations in 1985–1990. The author comes to the conclusion that the hypothesis of two stages in the formation of the chora of Chersonesos on the Herakleian Peninsula is still quite tenable. The Mayachny Peninsula, which is the western end of the Herakleian Peninsula, was divided first. It is thus the earliest chora of Chersonesos. Its division allowed the polis to secure the remaining part of the Herakleian Peninsula lying between Chersonesos and the Mayachny. The chora was planned according to a strictly regular pattern known as the system of Hippodamus of Miletus. This

system formed the basis of both the city and the adjacent agricultural territory. On the isthmus of the Mayachny Peninsula a fortification was built. It defended the land plots and also functioned as an outpost of the polis.

Keywords: historiography of Chersonesus Taurica, agricultural territory of polis, spatial organisation of polis, city and chora.

Moscow University for the Humanities,
Moscow, Russia

zedgenidze@yandex.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 2, с. 55–60

Yvon Garlan

LA LECTURE DES TIMBRES AMPHORQUES GRECS

Les lettres gravées sur les timbres amphoriques grecs par un artisan plus ou moins spécialisé ne doivent pas se lire comme un texte imprimé : c'est particulièrement vrai dans le timbrage en creux (englyphique) des timbres d'Héraclée du Pont dont le déchiffrement doit tenir compte de certaines « maladresses » et « erreurs » apparentes survenues lors de leur gravure et surtout de leur impression.

Nous allons prendre comme exemple, peu après le début du timbrage héracléote vers 390 av. n. è., une abréviation de nom de magistrat qui a spontanément été lue ΛΕ- (dont le développement pose problème), alors qu'une enquête plus approfondie nous oriente au contraire vers ΑΕ- qui remplace assez souvent ΑΙ- au début du nom bien connu d'ΑΕ(ΘΗΡ)- ΑΙ(ΘΗΡ).

Mots-clefs: timbre amphorique, timbre « englyphique », Héraclée du Pont, abréviation.

Ивон Гарлан

ЧТЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ АМФОРНЫХ КЛЕЙМ

Нельзя читать те буквы, которые вырезал на греческих амфорных клеймах какой-нибудь более или менее умелый мастер, как печатный текст. Это особенно верно в случае вдавленных (энглифических) клейм Гераклеи Понтийской, расшифровывать которые необходимо с учетом некоторых «неаккуратностей» и видимых «ошибок», возникших в процессе изготовления штемпеля, а еще более – при нанесении им оттиска.

В качестве примера в статье рассматривается сокращение имени магистрата, относящееся ко времени вскоре после начала гераклеяского клеймения ок. 390 г. до н.э. Спонтанно его прочли как ΛΕ-, однако раскрытие такого сокращения сопряжено с проблемами. Более тщательное рассмотрение приводит к чтению ΑΕ-, а это сочетание букв нередко встречается вместо ΑΙ- в начале хорошо известного имени ΑΕ(ΘΗΡ)-ΑΙ(ΘΗΡ).

Ключевые слова: амфорные клейма, энглифические клейма, Гераклея Понтийская, сокращения.